

Проблема сущности и определения понятия «абсолютизм» в современной научной и учебной литературе*

Л. В. Ляхович, кандидат исторических наук, доцент
Белорусского государственного университета культуры и искусств

Аннотация. В статье выявлены причины, по которым общепринятое определение абсолютизма так и не выработано в современной историографии. Показано значение концепции «равновесия», а также содержание современных исследований. Материал статьи может быть рекомендован для реализации задач проблемного обучения на уроках истории и обществоведения.

Summary. The reasons why common definition of absolutism hadn't been accepted in the modern historiography are revealed in the article. The meaning of «balance» concept and the content of researches are shown. The material of the article can be recommended for the tasks of problem-based study of history and sociology lessons.

Ключевые слова: *новое время, государственный строй, неограниченная монархия, абсолютизм, формально-юридический подход, социальная модель абсолютизма, концепция «равновесия», проблема дефиниции абсолютизма.*

Keywords: *new age, political system, an absolute monarchy, absolutism, legalistic approach, the social model of absolutism, the concept of “balance”, the problem of the definition of absolutism.*

Введение. Исследование вопросов, связанных с происхождением и функционированием институтов государственной власти, актуально всегда. Сказанное справедливо и в отношении абсолютной монархии — сложнейшего социокультурного феномена Нового времени. Тема абсолютизма неизменно присутствует в программах средней и высшей школ уже более века. Её исследования имеют давнюю традицию, но до сегодняшнего дня вопросов больше, чем ответов на них.

В научной литературе понятие «абсолютизм» не раз подвергалось осмыслению, представляя собой «концептуальный срез» исторического знания конкретного периода. В советской историографии понимание абсолютизма основывалось на концепции «равновесия». В постсоветский период

концепция «равновесия» была отвергнута, как не отражающая реалии абсолютной монархии, особенно российской. О понятии «абсолютизм» писали Ю. А. Сорокин [1, с. 10—97], А. Б. Каменский [2, с. 11—12], А. В. Чудинов [3], А. Н. Медушевский [4], О. А. Омельченко [5]. Были сделаны попытки его рефлексии и в отечественной историографии [6].

Однако, несмотря на квалифицированные теоретические обобщения, проблема определения абсолютизма осталась.

Основная часть. В 1968—1972 гг., начиная дискуссию, посвящённую российскому абсолютизму, известный исследователь истории России начала XX в. А. Я. Аврех писал: «Абсолютизм — тема не только важная, но и коварная. Эта проблема обладает удиви-

* Научная публикация. Дата поступления материала в редакцию: 26.02.2013.

тельным свойством: чем больше успехи в её конкретно-исторической разработке, тем туманнее становится её сущность. Гвоздём проблемы является соотношение феодального и буржуазного в политике абсолютной монархии» [7, с. 82]. Почти через 40 лет, уже в другой историографической ситуации, один из ведущих российских медиевистов и исследователей раннего Нового времени П. Ю. Уваров отметил, что «...наблюдается странная закономерность: чем больше мы узнаём о повседневности политической власти, тем реже исследователи пользуются термином “абсолютизм”. Слишком велика оказывается пропасть между теоретическим уровнем обоснования королевских прерогатив... и реальной практикой отправления власти и правосудия... Этот новый ракурс привёл одних авторов к демонстративному развенчанию термина “абсолютизм”, а других к простому игнорированию его в своих практических исследованиях» [8, с. 237].

При изучении абсолютизма в XX в. применялись в основном два подхода: формально-юридический и социально-экономический. Первый из них имеет давнюю историю — ещё римскими юристами были обоснованы прерогативы императорской власти. Политические трактаты, законодательные акты, правительственное делопроизводство и т. д. давали исследователям богатый материал, поддающийся формализации.

Во второй половине XIX в., в связи с развитием социологии, абсолютизм стал рассматриваться как система власти, присущая конкретному этапу в развитии общества и имеющая определённую социальную опору. Изучение экономики привело к социально-экономическому направлению, представленному либеральной и социал-демократической, в том числе марксистской, историографией, с которыми была глубоко связана российская, а затем советская историческая наука.

В советской историографии доминировал социально-экономический подход, что воплотилось в концепции «равновесия». Впервые в наиболее полном виде она была сформулирована С. Д. Сказкиным в статье «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме», изданной в 1941 г. Согласно ей сущностью любой феодальной монархии, в том

числе и феодально-абсолютистской, является диктатура класса феодалов [9, с. 8—9]. Абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, когда старые сословия распадаются, а средневековое сословие горожан складывается в класс буржуазии, и ни одна из спорящих сторон не взяла перевеса над другой. Соответственно, абсолютная монархия является такой формой монархии, когда в силу равновесия сил борющихся классов — дворянства и буржуазии — государственная власть получает самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними [9, с. 12—13]. При этом не раз подчёркивалось: «...указание на кажущийся характер посреднической роли государства между враждебными классами предостерегает от того, чтобы рассматривать абсолютную монархию в качестве “неклассового” или “надклассового” государства, как это делают буржуазные историки» [10, с. 81]. Абсолютизм выражал и защищал интересы дворянства, используя для этого буржуазию [10, с. 82].

Концепция «равновесия» была принята как специалистами по западно-европейской, так и по российской истории. Необходимо было показать общность исторических путей Европы и России, сходство европейского и российского абсолютизма, закономерность Февральской и Октябрьской революций по аналогии с Английской и Французской. К середине 60-х гг. «оттепель», стремление по-новому осмыслить классиков марксизма, накопление фактического материала не могли не прийти в противоречие с устоявшимися схемами. Социально-экономический подход продемонстрировал свои границы. Это показала дискуссия 1968—1972 гг., посвящённая проблемам российского абсолютизма. Она фактически отвергла «равновесие» применительно к условиям России и наметила проблемное поле дальнейших исследований.

Дискуссию начал А. Я. Аврех. Изучение истории России начала XX в. поставило его перед вопросом: почему настолько верноподданнической была российская буржуазия, что задачи буржуазных преобразований страны взяли на себя передовые представители дворянства? Ведь в соответствии с идеей «равновесия» российская буржуазия

уже с XVII в. должна была стать крупной экономической и политической силой [11, с. 78]. Факты свидетельствовали, что слабой российской буржуазией сделал абсолютизм, который эволюционировал в направлении буржуазной монархии, проводя преобразования «сверху» [7, с. 95, 102—103]. А. Я. Аврех предложил своё определение абсолютной монархии: «Абсолютизм — это такая феодальная монархия, которой присуща, в силу двойственной природы бюрократии и обуржуазившихся помещиков, способность эволюционировать и превращаться в буржуазную монархию» [11, с. 78], которое вызвало отпор большинства его коллег.

В ходе дискуссии выявились не только сторонники и противники «равновесия», но и шаткость самой социально-экономической модели абсолютизма. Материал, призванный доказать, что в России XVII — начала XVIII в. были достаточно развитые для возникновения абсолютизма буржуазные отношения, породил массу вопросов. Если имеется некое «равновесие», то где его мерило? Где требования купечества, которые можно было бы считать именно буржуазными? Российские мануфактуры на крепостном труде — явление буржуазное или феодальное и т. д. «Равновесие» «не работало» на почве феодальной России XVII — первой половины XVIII в.

Не случайно Н. И. Павленко, призывая обращаться к фактам, утверждал: «Роль противовеса феодалам буржуазия способна выполнять лишь в том случае, когда... она покушается на феодальные отношения... сторонники тезиса “противовеса” должны располагать значительными фактами, подтверждающими декларируемый ими тезис о том, что русское купечество XVII — первой половины XVIII в. противопоставляло себя дворянству...» [12, с. 63]. Н. И. Павленко особенно указал на трудность изучения социально-экономических процессов, так как «они развивались медленно, качественные грани между отдельными явлениями подчас неуловимы, а ограниченная источниковая база исследований не всегда даёт основания для изучения явлений, скрытых от глаз исследователя» [11, с. 82].

И. А. Федосов вообще заменил смысловое наполнение понятия «равновесие». По его мнению, «...равновесие — это не равенство сил двух классов, а такой уровень

социально-экономического развития, при котором чётко проявляются различные тенденции этого развития, такое состояние общества, когда государственная власть получает возможность противопоставлять одни социальные слои... другим...» [13, с. 50]. Далее И. А. Федосов развил эту мысль: «...термин “равновесие” вполне правомерен, но понимать его нужно не как механическое равенство сил двух классов, а как определённое соотношение социальных сил, которое позволяет развиваться обществу в целом и отдельным его частям. В любом обществе должно существовать такое соотношение его частей — классов, прослоек, группировок, при котором общество и его органы могут “нормально” функционировать и при котором возможно господство одного класса...» [11, с. 79]. Таким образом, фактически идея «равновесия» для России была отвергнута. Граница между «феодальным» и «буржуазным» оказалась размытой.

Свою роль в концептуальной ломке сыграло и то, что в советской историографии абсолютизма учёт субъективного и межличностного факторов, а также силы традиций и неписаных законов был минимален. Между тем как в реальной практике абсолютизма власть монарха, несмотря на формальную неограниченность, имела указанные фактические пределы. В таком случае в определении абсолютизма безоговорочное применение характеристики власти как неограниченной было некорректным.

Ещё в ходе дискуссии А. И. Чистозвонов предложил весьма удачное в то время и применявшееся впоследствии определение абсолютизма, который «есть политическая надстройка позднего феодализма, переходного периода, когда феодальная формация начинает разлагаться под влиянием буржуазных отношений. Власть монарха в этих условиях становится более или менее неограниченной (абсолютной) и приобретает известную самостоятельность действий по отношению к господствующему классу феодалов или обоим борющимся классам (феодалам и буржуазии в широком смысле слова) в целом. Абсолютный монарх опирается на постоянную армию, подвластный ему лично управленческий аппарат (бюрократию), систему постоянных налогов и подчиняет своей политике церковь» [14, с. 62].

В 70-е — 80-е гг. XX в. учебная литература следовала концепции «равновесия». Абсолютизм опирался на дворянство, заинтересованное в усилении центральной власти для подавления народных масс, и находился «в союзе с буржуазией, ещё недостаточно окрепшей, чтобы захватить власть непосредственно в свои руки» [15, с. 6]. Ввиду «равновесия сил» между борющимися буржуазией и дворянством королевская власть пользовалась «известной самостоятельностью» [16, с. 29; 17, с. 389—390].

Постсоветские десятилетия внесли изменения в трактовку понятия «абсолютизм». Переходный характер раннего Нового времени со сложной социальной структурой не подвергается сомнению, речь идёт о «балансе сил». При этом жёсткая обусловленность абсолютизма экономическими факторами, классовой борьбой и «равновесием» сил буржуазии и дворянства вышла из применения. В то же время рельефнее проявился формально-юридический подход. В учебных пособиях по Новой истории 2000-х гг. мы читаем следующие характеристики. «Абсолютизм — особая социально-политическая система, складывающаяся в период перехода от традиционного к индустриальному обществу и отражающая временный баланс социальных сил» [18, с. 93]. Изменения, приведшие к абсолютной монархии, связываются с процессом модернизации и трансформации социальной структуры и экономических основ общества, новыми формами социальной мотивации и картины мира. Возникновение абсолютизма стало отражением временного баланса формирующихся буржуазных и разлагающихся феодальных социальных сил [19, с. 92]. «Новые классы — новое государство» — так можно охарактеризовать этот подход [20, с. 29].

С другой стороны, абсолютизм понимается как «политическая система, при которой в высшей степени централизованная государственная власть обладает значительным контролем над обществом» [21, с. 127]. Для него характерны «централизация, унификация и регламентация» управления и состояния сословий [22, с. 541]. Выводя абсолютизм из сосредоточения власти в руках коронованных правителей, его характеризуют как особую форму правления, при которой монарху принадлежит верховная и неделимая власть в государстве. Вместе с тем

отмечается, что номинальное сосредоточение суверенной власти в руках одного человека было недостижимо на практике, власть сохраняла правовой характер [23, с. 75]. Несмотря на использование термина «абсолютизм», ни одна монархия не была в действительности неограниченной, король обязан был соблюдать «естественные законы», ограничивающие его полномочия [24, с. 32].

Таким образом, принятая в современной учебной литературе трактовка абсолютизма основывается на сочетании уточнённых и переосмысленных социально-экономического и формально-юридического подходов. При этом указывается, что абсолютизм защищал в первую очередь интересы дворян, учитывая возрастающую роль буржуазии [25, с. 60—62].

Постсоветская методологически разнообразная историография значительно расширила проблемное поле в изучении абсолютизма, в полной мере войдя в европейское научное пространство. Как и ранее, изучаются формирование и функционирование институтов власти. Однако сейчас феномен власти и личности её носителей стал самоценным предметом исследования. В связи с развёртыванием антропологического подхода и психоистории предметами рассмотрения стали не только личностные особенности представителей правящей элиты, но и коллективные представления о власти, формируемые её символикой и церемониалом, повседневная жизнь и структура двора, характеристики придворной элиты и её слоёв и т. п. Новое осмысление приобрели народные восстания и крестьянские войны, трактуемые как сложное и неоднозначное явление, зачастую с применением психоисторического подхода. Можно выделить и такие направления исследований, как власть и реформы, монархия и революции, Россия и Европа, происхождение и историческая роль российского самодержавия и т. д.

Выводы. Приведённый анализ показывает, что в определении понятия «абсолютизм» в настоящее время присутствуют, взаимно дополняясь, и социально-экономический, и формально-юридический подходы, при этом в обоих появились значительные уточнения и оттенки. Это значительно расширяет проблемное поле исследований и уточняет сущность и определение понятия «абсолютизм» в учебной литературе.

Список цитированных источников

1. Сорокин, Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в.: монография / Ю. А. Сорокин. — Омск: ОмГУ, 1999. — 322 с.
2. Каменский, А. Б. Россия в XVIII веке / А. Б. Каменский. — М.: АСТ; Астрель, 2006. — 190 с.
3. Чудинов, А. В. «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа / А. В. Чудинов // Французский ежегодник 2005: абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905—1972). — М.: КомКнига, 2005. — С. 259—293.
4. Медушевский, А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование / А. Н. Медушевский. — М.: Текст, 1993. — С. 7—32.
5. Омельченко, О. А. Монархия просвещённого абсолютизма в России (Политическая доктрина — Правовая политика — Государственные реформы): автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12. 00. 01 / О. А. Омельченко; Моск. гос. инд. ун-т. — М., 2002. — 42 с.
6. Мякинская, А. В. Теоретические подходы к определению понятия «абсолютизм» в современной российской историографии / А. В. Мякинская // Философия. Культура. Общество: сб. тр. мол. учёных и аспирантов: в 2 ч. / редкол.: М. И. Демчук (предс.) [и др.]. — Минск: РИВШ, 2004. — Ч. 1. — Вып. 4. — С. 145—151.
7. Аврех, А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России / А. Я. Аврех // История СССР. — 1968. — № 2. — С. 82—104.
8. Уваров, П. Ю. Французский король, его суды и его подследственный (дело Филиппа Кавелье, 1546—1553) / П. Ю. Уваров // Искусство власти: сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян. — СПб.: Алетейя, 2007. — С. 236—257.
9. Сказкин, С. Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме / С. Д. Сказкин // Учёные записки Московского городского педагогического института. — 1941. — Т. 3. — Вып. I. — С. 3—25.
10. Гутнова, Е. В. Основные проблемы истории средних веков в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса / Е. В. Гутнова. — 2-е изд. — М.: Изд-во МГУ, 1970. — 103 с.
11. Рахматуллин, М. А. К дискуссии об абсолютизме в России / М. А. Рахматуллин // История СССР. — 1972. — № 4. — С. 65—88.
12. Павленко, Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России / Н. И. Павленко // История СССР. — 1970. — № 4. — С. 54—74.
13. Федосов, И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма (XVIII — первая половина XIX века) / И. А. Федосов // Вопросы истории. — 1971. — № 7. — С. 46—65.
14. Чистозвонов, А. Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма / А. Н. Чистозвонов // Вопросы истории. — 1968. — № 5. — С. 46—62.
15. Семёнов, В. Ф. История средних веков: учеб. для студ. ист. ф-тов пед. ин-тов / В. Ф. Семёнов. — 4-е изд. — М.: Просвещение, 1975. — 590 с.
16. История средних веков: в 2 т. / под общ. ред. С. Д. Сказкина; редкол.: А. Д. Люблинская [и др.]. — М.: Высш. шк., 1977. — Т. 2. — 336 с.
17. История средних веков: учеб. для студ. ист. фак. пед. ин-тов / М. Л. Абрамсон [и др.]; под ред. Н. Ф. Колесниченко. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1986. — 575 с.
18. Пономарёв, М. В. Новая и новейшая история стран Европы и Америки: учеб. пособие для студ. высш. уч. завед.: в 3 ч. — М.: ВЛАДОС, 2004. — Ч. 1. — 288 с.
19. Новая история стран Европы и Америки XVI—XIX века: в 3 ч.: учеб. для студ. вузов / [А. М. Родригес и др.]; под ред.: А. М. Родригеса, М. В. Пономарёва. — М.: ВЛАДОС, 2005—2008. — Ч. 1. — 2005. — 528 с.
20. Евдокимова, А. А. История раннего Нового времени. Эпоха Реформации / А. А. Евдокимова. — Ростов-н/Д.: Феникс, 2004. — 288 с.
21. Отечественная история / С. Н. Полтораки, В. А. Бунакова, С. Б. Ульянова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Гардарики, 2005. — 398 с.
22. Отечественная история / И. Ю. Заорская [и др.]. — М.: Логос, 2002. — 559 с.
23. Ревякин, А. В. Новая история стран Европы и Америки: конец XV—XIX век: учеб. пособие для студ. вузов / А. В. Ревякин. — М.: АСТ; Астрель, 2007. — 508 с.
24. История Нового времени: 1600—1799 годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред.: А. В. Чудинова, П. Ю. Уварова, Д. Ю. Бовыкина. — М.: ЦЦ «Академия», 2007. — 384 с.
25. Кошалеў, У. С. Сусветная гісторыя Новага часу, XVI—XVIII стст.: вучэб. дапам. для 8-га кл. агульнаадукац. устаноў з бел. мовай навучання / У. С. Кошалеў, Н. У. Кошалева, С. М. Цемушаў; пад рэд. У. С. Кошалева. — 2-е выд., дап. і перагл. — Мінск: ВЦ БДУ, 2010. — 207 с.